

Российский государственный гуманитарный университет
Центр типологии и семиотики фольклора

**Фольклорный мотив:
инструмент анализа и объект изучения**

Материалы

Международного круглого стола
Москва, РГГУ, 23–24 апреля 2021 г.

Москва 2021

УДК 398

ББК 82.0

Ф 75

Составители

О.Б. Христофорова, В.А. Черванёва

Ф 75

Фольклорный мотив: инструмент анализа и объект изучения: материалы Международного круглого стола (Москва, РГГУ, 23–24 апреля 2021 г.) / сост.: О.Б. Христофорова, В.А. Черванёва. М.: РГГУ, 2021. 32 с.

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Мифо-ритуальные и дискурсивные практики в контексте живых традиций» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»)

© Коллектив авторов, 2021

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2021

Содержание

Аллатов С. В.

Проблема межжанрового подхода к описанию и интерпретации фольклорного мотива 6

Архипова А. С., Радченко Д. А.

Люди ищут фейки: фольклорный мотив как инструмент в руках обывателя 7

Белянин С. В., Закревская Е. А.

Фольклорные мотивы в нарративах о войне 9

Березкин Ю. Е.

Мотив как идеальный тип 10

Виноградова Л. Н.

Мотивы повествовательные и неповествовательные: практика составления «Указателей сюжетов и мотивов» разножанровых фольклорных текстов 11

Воробьев В. А.

Тематические инварианты студенческих песен XIX века 12

Гудкова А. В.

Фольклорный мотив старой лесной/горной ведьмы (аналог Бабы-яги) в японских текстах 13

Джапуа З. Д.

Об устойчивости и варьировании эпических мотивов (на примере повторных записей от одного и того же сказителя) 13

Ермакова Л. М.

Зайствованные мотивы в средневековых трансформациях японских божеств 14

Зислин И. М.

Существует ли в клинике мотивация рассмотрения «мотива»? 15

Иваньшина Е. А.

Однажды доктор и следователь ехали на вскрытие: о явных и тайных пружинах чеховских сюжетов 15

<i>Каспина М. М.</i> Проблема вычленения основных сюжетов и мотивов в комплексе устных и письменных нарративов о Рыбницком ребе	17
<i>Кузнецова Е. А.</i> Взгляд от первого лица: комплекс мотивов «колдун и черти-помощники» в быличках и протоколах следственных дел	17
<i>Кузьмина А. А.</i> Мотивы о сотворении мира в фольклоре якутов	19
<i>Кундозерова М. В.</i> О создании указателя мотивов несказочной прозы кестеньгских карелов	20
<i>Левкиевская Е. Е.</i> Мотив, мифологическая функция или дифференциальный признак? К вопросу о единицах описания славянской мифологии	21
<i>Мухина Е. А.</i> Хештег в социальных сетях и мотив в фольклоре	22
<i>Неклюдов С. Ю.</i> О структуре и семантике мотива	23
<i>Омакаева Э. У.</i> Феномен «мотива» и «сюжета» в зеркале монгольского языка: интерпретационный потенциал терминов в сказочном и эпическом дискурсе	25
<i>Петров Н. В.</i> Не мотивом единым: разработка системы указателей фольклорной прозы	26
<i>Разумова И. А.</i> О функционировании и семантизации одного фольклорного мотива в региональных источниках	26
<i>Реутин М. Ю.</i> Жизнь мотива в прихрамовой среде: на материале меморатов и поведенческих практик доминиканок XIII–XIV веков	27

<i>Селеева Ц. Б.</i>	
Мотив как слагаемый элемент эпического сюжета (на материале эпоса «Джангар»)	28
<i>Силантьев И. В.</i>	
Мотив как системная единица фольклорного и литературного повествования	29
<i>Харвилахти Л.</i>	
Указатели мотивов в эпоху Интернета	30

Проблема межжанрового подхода к описанию и интерпретации фольклорного мотива

Сложившееся в современной фольклористике, хотя и не всегда отчетливо артикулируемое, представление о мотиве включает три взаимосвязанные аспекта.

С *формальной* точки зрения, не являясь единицей «поверхностного» уровня текста (стиля), мотив тем не менее доступен для исследования именно в результате анализа синтагматической последовательности (сюжета как комбинации мотивов – первого уровня «глубинной» структуры текста).

С *семантической* точки зрения, мотив представляет собой сумму/отношение значений конструктивных элементов сюжета (актантов и предикатов), являющихся в то же время компонентами картины мира носителя традиции (нулевой – парадигматический – уровень «глубинной» структуры текста).

Тем самым, с *функциональной* точки зрения, мотив выступает как мыслительная операция, преобразующая компоненты картины мира в высказывание («данные задачи» – в «уравнение»/«систему уравнений»), а сюжетную ситуацию в сюжет (мотивировка действия). Над этой базовой функцией мотива надстраиваются конкретные прагматические и стилевые модели, предлагаемые жанровой системой той или иной традиции (заговор, причитание, мифологический нарратив, сказка, баллада etc.) и эксплуатируемые агентом традиции (знахарем, плачущей, сказителем, певцом) и его аудиторией.

С опорой на вышеизложенные постулаты в докладе рассматривается проблема описания структуры и семантики мотива М84 «Оживленный из косточек» по указателю Ю.Е. Березкина «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам». Демонстрируется, как в зависимости от методологических установок конкретной исследовательской школы формат представления данного мотива и интерпретация его историко-генетической семантики ограничивается жанровыми (магическая формула vs этиологический, демонологический, агиографический нарратив vs обрядовое предписание), этнокультурными либо региональными рамками.

В заключение формулируется тезис о необходимости межжанрового и кросс-культурного подхода к описанию структуры и семантики фольклорного мотива, синтезирующего достижения частных исследовательских методик и позволяющего конвертировать их результаты при решении задач смежных

направлений фольклористики и иных заинтересованных гуманитарных дисциплин.

Александра Сергеевна Архипова

канд. филол. н., с.н.с. Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ
ИОН РАНХиГС, доцент Учебно-научного центра типологии и семиотики
фольклора РГГУ (Москва)

Дарья Александровна Радченко

канд. культурологии, директор Центра изучения фольклора и
антропологии города МВШСЭН, с.н.с. Лаборатории теоретической
фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС (Москва)

Люди ищут фейки:

фольклорный мотив как инструмент в руках обывателя

Исследовательская группа «Мониторинг актуального фольклора» ИОН РАНХиГС с января 2020 года и по текущий момент занимается выявлением и исследованием слухов и фейков, связанных с коронавирусом, карантином и посткарантинным миром (волну этих фейков часто называют «инфодемией») (подробнее см: [Архипова и др. 2020]).

Мы создали базу данных фейков и слухов («инфодемических нарративов»), общее количество единиц которой на данный момент составляет около 6 млн репостов текстов. По результатам обработки базы данных мы выявили 263 микросюжета (или сюжетообразующего мотива) инфодемических нарративов, около 50 из которых являются сверхпопулярными, то есть набирают более 100 тысяч репостов.

Кроме того, начиная с марта 2021 года мы вместе с сервисом Яндекс.Кью и специалистами Яндекса исследуем, как пользователи Яндекса создают поисковые запросы, когда хотят узнать что-нибудь про интересующий их слух или фейк. Для этого мы использовали 33 самых популярных фейка, обладающих устойчивой структурой и хорошо известных в социальных сетях.

При работе с базой мы столкнулись с одной проблемой. Фейк/слух может быть представлен в нашей базе данных в двух видах – слабо- и сильноструктурированном. Иногда возникает набор самых разных слабоструктурированных (и часто разных по своему источнику) текстов, содержащих один и тот же сюжетообразующий мотив: «Билл Гейтс всех чипирует», «в масках живут черви», «в вакцинах содержатся тяжелые металлы». Но иногда появляется сильноструктурированный текст, распространяемый в социальных мессенджерах и сетях репостами

практически без изменений (а если его дописывают, то в начале или в конце текста):

Всем доброй ночи! Сегодня общался со знакомым который прилетел с Англии , у него мать работает в больнице в Англии медсестрой , там во всю идёт вакцинация населения , он против вакцины , его мать сделала ему сертификат якобы он прошёл вакцинацию , то есть выдала оригинальный документ не поставив вакцину , прилетев в страну свою откуда он родом в аэропорту он показал этот документ чтобы не садили его на карантин , таможенники попросили его пройти через устройство которое сейчас практически во всех аэропортах показывает температуру тела , он прошёл и ему сказали , что он не вакцинирован и его сертификат не действителен , так как вакцина содержит тяжелые металлы , и что им сразу видно вакцинирован человек или нет ! И как после этого не верить в глобальный контроль и теорию заговора!¹

Мы называем такие тексты «рассылками». Довольно часто один и тот же фейк может иметь два вида: сильно - и слабоструктурированный.

Наше пилотное исследование 1 655 125 запросов по 33 популярным фейкам показало, что пользователи Яндекса запрашивают в поисковой строке информацию о фейке двояко. Они могут искать «мотивом» или фрагментом текста (например, в WhatsApp приходит рассылка, и они ее вставляют в поисковик почти целиком: «внимание!!! вчера мама одного знакомого...!!!»).

Рабочая гипотеза заключается в том, что пользователи ищут цитатой, когда фейк совершенно свежий и появляется вот только в мессенджере. У них в головах нет еще метапредставления о тексте и о ключевых элементах текста, и поэтому они вставляют текст целиком или цитатой, но не могут сформулировать мотив. И они создают «мотив» для поиска, когда в голове уже существует некоторое представление о содержании слуха или фейка, когда уже сформировано представление об инварианте текста и его переменных.

Если эта гипотеза верна, то в сухом остатке можно аккуратно предположить, что те фейки, которые будут запрашивать «мотивом», имеют более долгую жизнь и общественную значимость.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Литература

Архипова и др. 2020 – *Архипова А.С., Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М.В., Петров Н.В.* Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения:

¹ Орфография и пунктуация источника сохранена.

Белянин Сергей Владимирович

н.с. Лаборатории теоретической фольклористики ИОН ШАГИ РАНХиГС
(Москва)

Закревская Екатерина Алексеевна

магистрант Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора
РГГУ (Москва)

Фольклорные мотивы в нарративах о войне

С августа 1941 по октябрь 1943 года территория современной Брянской области была оккупирована немецкой армией. Сегодня память о событиях, происходивших 75 лет назад, жива и актуальна для жителей брянщины. Они охотно делятся с собирателями воспоминаниями о войне. Нарративы о войне типологически схожи с текстами традиционной культуры – их объединяет устный механизм передачи. Наши собеседники комбинируют различные мотивы и сюжеты, создавая длительный, многоходовый нарратив, как сказитель создает из известных ему сюжетных блоков эпическое сказание. При этом они конструируют нарратив о войне, задействуя знакомые им фольклорные схемы: используют сюжетный каркас, стилистические блоки и жанровые модели, заимствованные ими из традиционной культуры. Для описания моделей, по которым строится устный нарратив, С.Ю. Неклюдов предлагает использовать понятие авантекста, которое существует в литературоведении. Применительно к текстам традиционной устной культуры, авантекст – это набор ментальных схем, по которым строится нарратив. Зная эти схемы, каждый рассказчик может продуцировать бесконечное множество текстов в рамках заданной модели.

Большинство наших собеседников, жителей небольших городов и деревень Брянской области, хорошо знакомы с сюжетами традиционного фольклора – быличками о ведьмах, осквернителях святынь и кладах. Для них народная демонология – это авантекст, по модели которого могут строиться другие нарративы. Структура текста доминирует над его содержанием – персонажи и события встраиваются в известные рассказчику структуры в зависимости от коммуникативной ситуации.

Такая замена возможна из-за того, что нашим собеседникам хорошо известны тексты традиционного фольклора. В рассказах наших собеседников партизаны, «полицайи» и другие реальные исторические лица приобретают сходство с персонажами традиционного фольклора – нарративы о тех и

других строятся по одной и той же модели. Наш доклад будет посвящен анализу фольклорных мотивов и клише в нарративах о войне.

Березкин Юрий Евгеньевич

д. ист. н., заведующий отделом этнографии Америки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

Мотив как идеальный тип

Предложив термин «идеальный тип», Макс Вебер подчеркивал, что используемые исследователем аналитические единицы не предназначены для того, чтобы охарактеризовать реальность исчерпывающе и всесторонне. Они представляют собой шаблоны для соотнесения явлений друг с другом и структурирования континуумов. Ни один из городов средневековой Европы не обладал всеми признаками «средневекового города», но каждый обладал – в разной степени – частью подобных признаков. Научные понятия есть инструменты, создаваемые для решения определенных задач и существующие в рамках научного дискурса, а не в реальности. Нет правильного или ошибочного определения понятия «мотив» в фольклористике. Определение зависит от исследовательской задачи. Оспаривать определения некорректно: спор может вестись о приоритетных задачах. Хотя материалом для меня служат традиционные повествования и представления, цель исследования лежит за пределами фольклористики и этнографии и относится к области истории: реконструкция сфер и путей обмена информацией между сообществами в (дописьменном) прошлом, т. е. культурные взаимодействия и миграции. Я определяю «мотив» как эпизод или образ, обнаруженный в двух или более традициях, а «традицию» как совокупность текстов, зафиксированных в пределах той или иной этноязыковой общности или территории. Мотивы делятся на тематические категории и группы, необходимость выделения которых определяется исключительно практикой: если мотивы отдельных групп дают разное ареальное распределение, их нельзя обрабатывать в совокупности. Большинство мотивов представляют собой эпизоды и образы, но мотивами могут быть также словесные формулы, имена собственные и любые другие повторяющиеся элементы текстов – от сложных до самых элементарных. «Сюжета» в этой системе нет. Сюжеты ATU либо совпадают с «мотивами», либо включают несколько мотивов, либо два-три сюжета подпадают под определение одного мотива. Число мотивов неопределенно велико и зависит от того, какие параллели между традициями заметил исследователь. Список

мотивов открыт и пополняется непрерывно, а формулировки уточняются по мере освоения нового материала.

Виноградова Людмила Николаевна
д. филол. н., в.н.с. Института славяноведения РАН (Москва)

**Мотивы повествовательные и неповествовательные:
практика составления «Указателей сюжетов и мотивов»
разножанровых фольклорных текстов**

Категория мотива в истории фольклористики изначально рассматривалась как элемент фольклорной сюжетности, и вся многолетняя дискуссия вокруг этого термина подразумевала его использование по отношению к повествовательным жанрам. Потребность дать строгое научное определение термина «мотив» (под которым чаще всего понималась «простейшая повествовательная единица») была вызвана острой необходимостью каталогизации накопившегося к концу XIX века огромного сказочного материала. Несколько позже стали создаваться многочисленные указатели сюжетов и мотивов несказочной (прежде всего демонологической) прозы. Что же касается так называемых неповествовательных мотивов (под которыми весьма условно понимаются обобщенно-формульные содержательные единицы разного масштаба), которые характерны прежде всего для «малых» фольклорных жанров, то остается по-прежнему неясным способ их вычленения из текстовой структуры. Так, в последнее время стали появляться указатели сюжетного и мотивного фонда заговорных текстов, баллад, обрядовых песен, народных сонников, формул проклятий и т. п., причем речь идет чаще всего о составе наиболее показательных содержательных единиц, выделяемых исследователями эмпирически, без особых теоретических размышлений о сущности понятий «сюжет – мотив» в приложении к «малым» жанрам. Например, заговорные тексты, как известно, оперируют содержательными единицами совершенно разной формальной структуры. Кроме нарративов, это могут быть речевые способы выражения семантики побуждения к действию; приказы-императивы, угрозы, проклятья; заклинательные паремии; магические диалоги; тексты с мотивом «убывающего счета» и т. п. Соответственно, для всех этих разновидностей текстовых структур существуют свои особые способы вычленения ведущих мотивов для целей их каталогизации.

По-видимому, прав был С.Ю. Неклюдов, высказавший предположение о том, что чрезвычайно широкое словоупотребление термина «мотив» в фольклорных исследованиях определяется самой природой вещей, т. е. самой сутью понятия мотива как главного семантического потенциала при создании

любого фольклорного текста. Практика каталогизации сюжетов и мотивов приводит к выводу о том, что вполне могут существовать бессюжетные фольклорные тексты, но «безмотивные», надо полагать, существовать не могут, ибо та или иная содержательная основа присуща всем видам текстов. Особое положение в этом ряду занимают магические заклинания в виде бессмысленного набора непонятных слов, т. е. в виде невразумительных звукосочетаний, лишенных лексико-семантической определенности. Речь идет о глоссолалиях, каббалистических заклинаниях, десемантизированных речевых жанрах типа абракадабры. Говорить о мотивах подобных текстов, по-видимому, не приходится.

В докладе анализируется сложившаяся практика составления указателей мотивов, относящихся к разным жанрам фольклора: быличкам, заговорам, народным сонникам, обрядовым песням.

Воробьев Василий Александрович

магистрант Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора
РГГУ (Москва)

Тематические инварианты студенческих песен XIX века*

На материале студенческих песен, предположительно бытовавших в песенной традиции студентов XIX – начала XX века (до 1917 года), будет представлен набор тематических инвариантов, который создает структурную модель студенческой песни указанного периода. Эта модель используется в песенных текстах – в немногих авторских (Н. Языков, А. Пушкин) и во множестве фольклорных (от «Gaudeamus igitur» до «Чижик-пыжик, где ты был...»). Тематические инварианты создаются, вероятно, специфической аксиологией студенческого сообщества XIX века. Она прочно связана с этической и эстетической системами данной социальной группы и имеет свои специфические признаки. Речь идет о сугубо мужском сообществе, сообществе молодых людей с присущими ему вкусами и привычками: пристрастием к выпивке, легкомысленным и показным ухаживанием за женщинами, демонстрацией своей маскулинности. На основе этих и некоторых других тематических инвариантов, различных по степени повторяемости, можно выделить те текстопорождающие мотивы, из которых складывается студенческая песня на структурно-семантическом уровне.

**Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Мифо-ритуальные и дискурсивные практики в контексте живых традиций» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»)*

**Фольклорный мотив старой лесной/горной ведьмы
(аналог Бабы-яги) в японских текстах**

В этом докладе речь пойдет о вариации фольклорного мотива старой лесной/горной ведьмы (аналог Бабы-яги) в японской интерпретации. Изучая японские легенды об устрашающей старухе Ямаубе, автор проводит параллели между образами старой лесной ведьмы в русском/славянском и в японском фольклоре. Специфика Ямаубы – несчастливая судьба «лишнего человека» в японском обществе: ведьма-изгнанница. Ямауба в японском фольклоре «зарекомендовала себя» и с хорошей, и с плохой стороны. Этот дуализм в представлении горного монстра – отличительная черта этого мотива. Помимо анализа исходных фольклорных сюжетов, в докладе описываются народные театрализованные действия с участием Ямаубы как одного из главных персонажей и, кроме прочего, сравниваются несколько версий Ямаубы в их литературном изводе (по произведениям «Комебуку Авабуку», «Ханаё но химе» и др.) с целью проследить соотношение фольклора и книжности применительно к этому мотиву.

Джапуа Зураб Джотович

д. филол. н., президент Академии наук Абхазии,
директор Центра нартоведения и полевой фольклористики при Абхазском
государственном университете,
г.н.с. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
АН Абхазии (Сухум, Абхазия)

**Об устойчивости и варьировании эпических мотивов
(на примере повторных записей от одного и того же сказителя)**

Доклад посвящен исследованию устойчивости и варьирования мотива в эпическом тексте на примере разновременных записей от одного и того же сказителя. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что мотив как «данность фольклорного произведения», как «содержательная единица, которой оперирует сама устная традиция» до сих пор, можно сказать, не изучен, «“обойден” концептуальным осмыслением», не определены его характерные приметы; потому «зачастую невозможно выделить в тексте ограниченный и непрерывный фрагмент, который однозначно соответствовал бы формулировке мотива» (С.Ю. Неклюдов). При этом следует сказать, что к изучению фольклорного мотива обращались с давних пор такие исследователи, как А.Н. Веселовский, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов и С.Ю.

Неклюдов. Они в своих работах определили существенные признаки мотива, но общая теория его пока что в полной мере не создана. Цель моего доклада – показать, как мотивы, получившие «свой закрепленный тип описания» (Б.Н. Путилов), сохраняют устойчивость и могут варьировать в разновременных записях одного сказания, сделанных от одного и того же сказителя. Также есть возможность сопоставить тексты отца с текстами сына («учителя» и «ученика»). В моем распоряжении пять повторных записей нартского сказания о чудесном рождении героя из камня. Три повторных записи сделаны от превосходного эпического певца Кастея Арстаа (одна запись в песенной форме, две – в прозе) и два – от его сына Шоты Арстаа (в песенной форме). В ходе анализа текстов и сопоставления мотивов в разновременных записях выяснилось, что последовательность мотивов в сюжете устойчива во всех вариантах, текстуальное и позиционное совпадение весьма высоко; при этом налицо варьирование слов, лексические различия, которые, по всей видимости, присущи самой памяти сказителя и его мастерству. Сличив мотивы текста «ученика» с мотивами текста «учителя», можно легко заметить традиционную исконность, единую лексическую и поэтическую данность записей песни.

Ермакова Людмила Михайловна

д. филол. н., заслуженный профессор Университета иностранных языков
города Кобе (Кобе, Япония)

Заемствованные мотивы в средневековых трансформациях японских божеств

В японских мифологических сводах VIII в. и примыкающих к ним других текстах, также содержащих фрагменты мифологической картины мира, во множестве представлены божества, как самородившиеся, так и порожденные первопредками. Все эти божества лишены каких бы то ни было внешних признаков и считаются невидимыми («тела их были сокрыты»). Однако по мере усвоения буддизма и иных верований и иконографических образов, приходивших в Японию разными способами (в том числе по Шелковому пути), ряд божеств внезапно обретают внешность, иногда тератоморфную, – с помощью, как мы предполагаем, заимствованных мотивов и признаков. Речь пойдет о характере и возможном значении этих мотивов.

Существует ли в клинике мотивация рассмотрения «мотива»?

Желание исследователей, работающих с текстами, выделить элементарную единицу текста и построить на этой основе классификацию существует в науке веками. Психиатрия же, соприкасаясь с анализом/не-анализом текста, в процессе своего развития избежала этого искуса.

Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, тематика бреда занимает умы психиатров и на этой основе выстраиваются всё новые и новые классификации. С другой стороны, общая значимость содержательной стороны бреда в повседневной клинической практике остается невысокой и создается впечатление, что им пренебрегают всё больше и больше.

В реальной диагностической процедуре одним из центральных моментов диагноза бреда является наложение фабульно-мотивационно-сюжетной структуры, созданной автором (пациентом), на фабульно-мотивационно-сюжетную структуру диагноста. Ни пациент, ни врач не делают это сознательно.

Мы полагаем, что мотивационно-сюжетная структура может и должна быть выделена и в дальнейшем положена в основу содержательной классификации бреда. Такой подход позволит построить непротиворечивую и клинически значимую его классификацию.

В докладе предполагается рассмотреть, как понятие «мотив» работает при анализе онтогенеза бредового нарратива, как применяется в современной психиатрической классификации и как «мотив» (в понимании Ю. Березкина) может быть использован для анализа эпидемий психических заболеваний (на примере синдрома Коро).

Иваньшина Елена Александровна

д. филол. н., доц., профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы ВГПУ (Воронеж)

Однажды доктор и следователь ехали на вскрытие:

о явных и тайных пружинах чеховских сюжетов

Как известно, Чехов — мастер комбинаторики, в художественной системе которого за нюансы смыслопорождения отвечают не отдельные мотивы, а мотивные комплексы, образующие как бы готовый сюжетный геном, способный разворачиваться в разных направлениях, варьироваться и «расти» по принципу гипертекста, связываясь с другими комплексами. Мотивный комплекс — инвариантное смысловое сращение, которое позволяет связывать

тексты разной степени отдаленности. В мотивном комплексе всегда будут определяться «ядерные» и периферийные мотивы, но в зависимости от широты привлекаемого чеховского материала и обнаружения новых вариантов искомого мотивного комплекса центр и периферия будут перераспределяться: зачастую мотивы, которые кажутся периферийными, обнаруживаются в смежных мотивных комплексах и за счёт собственных семантических связей выводят к менее очевидным контекстам, которые могут разрушать интерпретационные ожидания. При этом валентность мотива возрастает и происходит его смысловая перекодировка. Другими словами, различные чеховские тексты интерпретируют друг друга. Сочетаемость мотивов, их взаимная обусловленность и связанность у Чехова – аспект, который далёк от исчерпанности. Зачастую тот мотив, который воспринимается как «ядерный», является ситуативным шаблоном, запускающим колесо фабулы, а за разработку смыслов отвечают те детали, которые кажутся несущественными, «позиционными».

В первой части доклада рассматривается сюжетообразующий потенциал инвариантного чеховского шаблона, в котором задействованы парные персонажи – доктор и следователь. На примере нескольких рассказов («Perpetuum mobile», «По делам службы», «Драма на охоте», «Следователь», «Палата № 6») прослеживается, как работает этот шаблон в разных жанровых контекстах (романтическая новелла, святочный рассказ, детективная повесть) и как эти контексты пересекаются друг с другом. Общими для рассматриваемого ситуативного шаблона являются мотивы предчувствия и заколдованного круга, которые заряжены неоднозначной модальностью и пересекаются с мотивом театральности, который, в свою очередь, связан с профессиональной рефлексией, объединяющей фигуры врача, следователя и писателя.

Особое внимание уделяется повести «Драма на охоте», которая актуализируется как метатекст, в котором – на фоне удвоения системы персонажей – образуется дополнительное смысловое измерение охоты как нарративной стратегии.

Вторая часть доклада посвящена мотиву охоты, который у Чехова, по-видимому, играет особую роль и заслуживает отдельного рассмотрения. Обращает на себя внимание тот факт, что, встраиваясь в мотивную структуру как периферийный, он «расшатывает» инерционное восприятие структурного «ядра», которым является рассказ персонажа. Примером являются рассказы маленькой трилогии («Человек в футляре», «Крыжовник» и «О любви»), ситуативно объединенные как охотничьи, а также рассказ «Студент», рамкой которого является возвращение персонажа с охоты. Здесь уже охота выступает как ситуативный шаблон, «запускающий» мотив театральности, который подрывает доверие к слову персонажа; если в «Драме на охоте» недоверие по отношению к слову персонажа становится

отрефлектированным сюжетным событием, то в маленькой трилогии и «Студенте» охотничий «ген» внутри сюжетного «генома» работает неявно, но смысловая заряженность театральностью при этом никуда не исчезает.

Каспина Мария Михайловна

к. филол. н., доцент кафедры теологии иудаизма, библеистики и иудаики
РГГУ (Москва)

Проблема вычленения основных сюжетов и мотивов в комплексе устных и письменных нарративов о Рыбницком ребе

В докладе речь пойдет о работе коллектива исследователей над публикацией комплекса нарративов о Хаиме Занвле Абрамовиче (1896–1995), который известен как Рыбницкий ребе. В ходе изучения устных интервью с очевидцами и письменных агиографических сборников, опубликованных на иврите и идише в последние десятилетия американскими последователями цадика, мы столкнулись с необходимостью выделить основные повторяющиеся мотивы, которые были бы универсальны для рассказов о ребе как о реальном историческом персонаже, а также укладывались бы в традиционный набор мотивов, характерных для хасидского рассказа о любом ребе. Об основных принципах вычленения этих мотивов пойдет речь в докладе.

Кузнецова Екатерина Александровна

независимый исследователь (Москва)

Взгляд от первого лица: комплекс мотивов «колдун и черти-помощники» в быличках и протоколах следственных дел

Комплекс демонологических мотивов, входящих в сюжетную ситуацию «колдун знает с чертями», выделялся исследователями на основе поздних мифологических рассказов, собранных в экспедициях [Знатки 2013; Петров 2019]. Есть ещё один источник, не задействованный фольклористами при составлении указателей, – протоколы допросов крестьян, обвиняемых в колдовстве (архивные материалы второй половины XVIII – первой половины XIX вв.). Однако в материалах следствия фиксируются элементы мифологических повествований, которые не характерны для более поздних текстов (например, некоторые нюансы взаимоотношений колдуна с чертями-помощниками, название помощников по именам и др.), и варианты уже известных по поздним текстам мотивов (вариации мотива «колдун дает

работу чертям»). Выделение демонологических мотивов в подобных текстах связано с рядом трудностей и требует исследовательской рефлексии относительно методологии мотивного анализа.

На данный момент известно пять следственных дел, в которых зафиксированы подробные признания в колдовстве в виде развернутого повествования о службе чертей колдуну. Среди них два неопубликованных дела из фонда Владимирского совестного суда: о Федоте Филипове (1814 г.) [ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4615] и Прасковье Ефимовой (1824 г.) [ГАВО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 160] – и три уже введенных в научный оборот: московское дело о мельнике Марке Холодове (1754 г.) [Есипов 1880: 55–58; Смилянская 2016: 125, 132] ярославское дело о Катерине Ивановой (1764 г.) [Смилянская 2016: 66–74], дело Саратовского совестного суда о Прасковье Козыровой (1786 г.) [Мордовцев 1901: 4–14; Worobec 2016: 296–297].

Значимое различие структуры более поздних мифологических рассказов о помощниках колдуна и повествований из протоколов следствия связано с разностью субъектов речи. Рассказ от первого лица («колдуна») обеспечивает довольно устойчивое сцепление мотивов: получение колдовского знания и передача помощников; колдун дает чертям работу (неоднократное возвращение помощников к колдуну); избавление от чертей путем их изгнания, вселения в людей; признание в колдовстве на крестьянском сходе; излечение (в ряде случаев – неудачное) жертв колдовства. Поздние мифологические рассказы не обладают такой четко выстроенной структурой, а появление в тексте мотива «знать с чертями» тесно связано с комплексом мотивов об особенностях поведения колдунов или же вызвано прямым вопросом собирателя. В докладе мы сравним структуру текстов о чертях-помощниках в протоколах следственных дел и в более поздних мифологических текстах, чтобы выявить некоторые механизмы построения таких нарративов и рассмотреть возможности и ограничения использования материалов следственных дел для составления указателей мифологических текстов.

Источники

ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4615. Уведомление из Владимирского совестного суда о разборе дела о кликушах, появившихся в Судогодском уезде. 1814 г.

ГАВО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 160. По уведомлению Вязниковского земского суда о испорченных оной округи деревни Долговой Анны Кириловой и деревни Налескина девочки Настасьи Моисеевой той же деревни женкою Прасковьею Ефимовою каким-то еретичеством. 1824 г.

Литература

Есипов 1880 – *Есипов Г.В.* Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880.

Знатки 2013 – Знатки, колдуны, чернокнижники: Колдовство и бытовая магия на Русском Севере. М., 2013.

Мордовцев 1901 – *Мордовцев Д.Л.* Русские чародеи и чародейки. Исторический материал // Собрание сочинений Мордовцева Д.Л. Т. XX. СПб., 1901. С. 4–28.

Петров 2019 – *Петров Н.В.* Маленькие демоны: колдуны и их помощники в русских мифологических рассказах // In Umbra. Демонология как семиотическая система. Вып. 8. М., 2019.

Смилянская 2016 – *Смилянская Е.Б.* Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М., 2016.

Worobec 2016 – *Worobec C.* Decriminalizing Witchcraft in Pre-Emancipation Russia // Späte Hexenprozesse: Der Umgang der Aufklärung mit dem Irrationalen. 2016.

Кузьмина Айталиа Ахметовна

к. филол. н., с.н.с. Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Мотивы о сотворении мира в фольклоре якутов

Исследование посвящено мотивам сотворения мира в фольклоре якутов. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью этой темы в якутской фольклористике и неточностью формулировки понятия «мотив», принципов его выявления в отечественной филологии в целом. Цель исследования состоит в выявлении и систематизации мотивов о сотворении мира на основе фольклорных материалов якутов. Новизна работы заключается в том, что данная тема впервые специально изучается с привлечением широкого круга материалов по мифологии и фольклору, проводится сопоставление с другими народами, рассматриваются трансформации представлений о сотворении мира в современных авторских текстах на основе олонхо.

В мифах, народных песнях и героическом эпосе якутов выявлены мотивы о сотворении мира, которые реализуются различными способами (расширение, добывание, изготовление, номинация) и показывают разновременные слои в традиционной картине мира народа саха. В аутентичных фольклорных текстах выявлены следующие мотивы: «Мир расширился из маленькой точки», «Нырлящик вытаскивает землю из моря», «Первичное море высыхает», «Мир создан богом», «Мир создан богом и дьяволом», «Вселенная разделена на три мира в результате конфликта трех создателей». Наиболее древним, на наш взгляд, является мотив «Мир расширился из маленькой точки» («расширяющаяся Вселенная»),

характерный и для эпоса соседних тунгусо-маньчжурских народов. Мотив добывания земли со дна моря ныряльщиком (птица/бог/дьявол), встречающийся в мифологии многих народов мира, также относится к раннему слою представлений о сотворении мира. Считаем, что разделение Вселенной на стороны света, на три мира в результате конфликта создателей – это более позднее явление. Обнаружены тесные связи с мировоззрением эвенков, эвенов, проживающих по соседству с якутами, а также алтайцев, монголоязычных народов, имеющих родственные корни. В современных авторских текстах на основе олонхо заметна сильная трансформация, которая заключается в использовании астрономической теории происхождения Вселенной.

Отдельной проблемой стоит вопрос разграничения мотива и «общего места» или их взаимосвязи на примере мотива «расширяющейся Вселенной» в якутском героическом эпосе.

Кундозерова Мария Владимировна

к. филол. н., н.с. сектора фольклористики и литературоведения ИЯЛИ
КарНЦ РАН

О создании указателя мотивов сказочной прозы карельских карелов

В докладе будет представлен опыт создания указателя мотивов народной исторической прозы, зафиксированной большей частью в XX в. от группы карелов, проживающих на самом севере Республики Карелии и в Мурманской области. Основная методологическая база работы – исследование Н.А. Криничной в области русской народной исторической прозы, в частности – Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий.

От карельских карелов зафиксировано небольшое количество текстов исторической прозы (предания о заселении и освоении края, об аборигенах края, о кладах, о борьбе с внешними врагами). Этим обстоятельством продиктован и скромный набор мотивов, выявленных в ней. В целом обнаруженные мотивы укладываются в матрицу указателя, разработанного Н.А. Криничной на основе русского материала, однако специфика карельских текстов потребовала добавления некоторых типов/версий мотивов. В дальнейшем составление указателя может быть продолжено за счет введения в научный оборот всех карельских преданий.

**Мотив, мифологическая функция или дифференциальный признак?
К вопросу о единицах описания славянской мифологии**

Настоящий доклад строится на материалах Базы данных «Славянские мифологические персонажи», фрагмент которой (1502 единицы славянских мифологических текстов и их аналитическое описание) был издан на CD-ROM в 2002 г. Также используется Указатель мифологических мотивов к четырехтомнику «Народная демонология Полесья», опубликованному в 2010–2019 гг. В отечественной науке первичные единицы описания славянской мифологии выделяются скорее эмпирическим, интуитивным путем и часто не имеют четких дефиниций и универсальной терминологии. Чаще всего в исследованиях последних десятилетий используются три термина, которые будут рассмотрены в докладе: дифференциальный признак, мифологическая функция и мотив. Первые два термина были порождены Московской этнолингвистической школой, третий заимствован из общей фольклористики. Очевидно, что для нужд анализа мифологии требуется несколько единиц описания (более крупных и более мелких), обладающих своим понятийным полем. Также очевидно, что они имеют общее «устройство» – это предикативные структуры с одним или несколькими актантами, однако вопрос о количестве актантов в каждой единице остается открытым.

В докладе предлагаются критерии, которые помогут построить унифицированную систему первичных единиц, пригодных для анализа разных уровней мифологической системы. Обсуждаемая проблема не является сугубо фольклористической, они находятся скорее в области лексической семантики и требуют соответствующих методов изучения. Предлагается положить в основу унификации мифологических единиц следующие критерии.

1. Что именно является **объектом** исследования: мифологический персонаж (система мифологических персонажей) в рамках конкретной традиции или текст (быличка, поверье), содержащий сведения о мифологическом событии? В первом случае первичная единица содержит информацию о свойствах персонажа. Во втором случае она является основным фреймом, «кубиком», из которых складывается более крупная единица повествования – сюжет. Эта единица, как можно предположить, является общей для мифологических текстов разной природы (и для нарратива, и для поверья, и для дидактических формул), однако может выражаться в них разными языковыми средствами.

2. Какие **языковые средства** используются для выражения данной единицы: унифицированный научный язык, который исследователь «применяет» к материалу («этний» подход) или специфические языковые средства, имеющиеся в самой традиции («эмный» подход)? Первый вариант подходит для интегрального описания мифологической системы. Второй – для анализа диалектных особенностей микротрадиции, когда выделяемая единица имеет терминологическую поддержку в языке самой традиции в виде устойчивых формул, с помощью которых передается конкретная семантика.

3. Важен также и **формальный** критерий: какое количество актантов допустимо для той или иной единицы? Очевидно, что первичная единица должна обладать смысловой завершенностью, но вопрос о границах и семантическом объеме первичных единиц остается открытым.

Применение указанных критериев к трем единицам описания славянской мифологии показывает, что дифференциальный признак – наиболее мелкая единица, применяемая при интегральном описании мифологической системы и мифологических персонажей («этний» подход). Мифологическая функция – единица, пригодная как для анализа мифологического персонажа, так и мифологического текста – она базируется на двух взаимопереводимых языковых регистрах – научном и диалектном, а также обладает гибким числом актантов. Мотив привычно используется как единица членения мифологического текста, выраженная на унифицированном научном языке с неопределенным количеством возможных актантов – последние два критерия делают эту единицу не вполне удобным инструментом анализа и классификации текстов.

Мухина Елена Александровна

магистрант Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора
РГГУ (Москва)

Хештег в социальных сетях и мотив в фольклоре

В своей работе мы предлагаем сравнить хештег и облако тегов в социальных сетях, с одной стороны, с мотивом и указателем мотивов в фольклористике, с другой.

1. Тег – это повторяющийся элемент в социальных сетях, используемый для передачи и распространения контента, в этом смысле сопоставимый с мотивом. Теги не существуют вне постов, как и мотивы вне сюжета, в одних случаях тег – это сжатие сюжета до мотива, в других – развертывание мотива в сюжет (например, хештег #challenge или #челлендж). Тег не отмечает никакой текст, но, неся определенный смысл, становится событием/сюжетом

и вызывает появление постов о выполнении сложных заданий или преодолении трудностей. Тег вызывает в ответ реальные события/сюжеты, а не наоборот, как в примере #тайгагорит; это напоминает нам о сложности определения стадийальной первичности мотива или сюжета.

2. Распространение текстов в социальных сетях происходит с помощью хештегов, что похоже на распространение мотивов и сюжетов в живой фольклорной традиции. В общем виде хештеги и сообщения в социальных сетях соотносятся как часть и целое – аналогично мотиву и сюжету. Хештег обозначает принадлежность и включает сюжет/пост, сюжет/комментарий в более сложный текст или множество текстов, в массив связанных между собой данных. Он обеспечивает конкурентоспособность текста и попадание во встречное течение, то есть в целевую аудиторию.

3. Хештеги используют в нескольких целях. Главные, на наш взгляд, следующие:

1) классификация, каталогизация и поиск контента, что можно сравнить с составлением указателей мотивов в фольклористике;

2) внедрение текста в тренды социальных сетей, как и фольклорного текста в актуальную традицию;

3) коммуникация в виде диалога или полилога в социальных сетях в режиме реального времени и сохранение коммуникации между адресатом и адресантом через временной разрыв;

4) трансляция идентичности, создание сообществ и традиций.

Таким образом, использование аналитического аппарата фольклористики позволяет лучше понять ряд особенностей сетевой коммуникации. Кроме того, подобное сравнение, возможно, открывает путь к электронному моделированию некоторых процессов внутри самой фольклорной традиции.

Неклюдов Сергей Юрьевич

д. филол. н., профессор, научный руководитель Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ (Москва)

О структуре и семантике мотива*

1. Мотив есть наименьший значимый интертекстуальный элемент, выделяемый в различных образцах мировой словесности при анализе их тематических сходжений. Каталогизация подобных элементов приводит к представлению о некоем общем фонде текстопорождающих единиц (далеко не только повествовательных). Чтобы выполнять свои аналитические функции, мотив должен удовлетворять следующим условиям: относиться исключительно к плану содержания; быть устойчивым, многократно воспроизводимым и опознаваемым благодаря наличию у него

содержательных подобий – в самом тексте и за его пределами; иметь «семантическое ядро» (с максимально «сильными» внутренними сцеплениями его элементов) и «семантическую периферию» (где подобные связи ослаблены), при этом границы текстовой репрезентации мотива пройдут по краям его «периферии».

2. Указанные «содержательные подобия» лежат на пересечении двух контекстов: «горизонтального» (синтагматического) и «вертикального» (парадигматического). Даже мотив с семантически ослабленной «ядерной частью» может быть опознан, во-первых, благодаря сохраняющимся толерантным условиям «горизонтального» контекста и, во-вторых, по наличию «полных» («сильных») реализаций того же мотива на сколь угодно значительном отдалении от рассматриваемого текста (т. е. в «вертикальном срезе»).

3. Поскольку мотив является композитным элементом многих сюжетов и, следовательно, имеет возможности разных фабульных реализаций, его «семантический спектр» всегда перекрывает те условия, которые предлагаются конкретным текстом. При этом сюжет, универсальный способ передачи фольклорно-мифологической информации, в свою очередь всегда шире текста (один сюжет организует множество текстов, в том числе разного содержания).

Семантика мотива опирается на «знание традиции», значительно более широкое, чем то, которое манифестируется в отдельном тексте; мотив принадлежит не ему, а всей традиции в целом. Его значение не выводимо из сюжетной синтагматики, для понимания этого значения (и текстопорождающих возможностей мотива) необходимо его соотнесение, во-первых, с картиной мира соответствующей национальной культуры и, во-вторых, с упомянутым выше мировым сюжетно-мотивным фондом.

В известном смысле каждая конкретная текстуализация мотива – это всегда неполная реализация его теоретически мыслимой и обладающей своей внутренней логикой «идеальной модели», представление о которой можно получить при сравнении максимального количества вариантов того или иного мотива. Поэтому сопоставительный материал столь полезен для функционально-семантического истолкования устойчивых деталей, не мотивированных данным текстом или даже данной традицией.

4. Для описания структуры мотива пригодна заимствованная из информатики модель фрейма, заполнение слотов которого (обусловленное соответствующими фасетными значениями данного слота) встречается в разных фреймах и, более того, иногда отсылает к другому фрейму. Так, мотив может в качестве конструктивного элемента включать, например, некий предмет или признак, который используется также в других мотивах, а кроме того, способен выступать самостоятельной мотивообразующей доминантой, т. е. циркуляция «семантических единиц» (*семантем*) между

функциями смыслообразования и смыслоразличения имеет двусторонний характер.

**Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Мифо-ритуальные и дискурсивные практики в контексте живых традиций» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»)*

Омакаева Эллага Уляевна

к. филол. н., доцент КалмГУ (Элиста)

**Феномен «мотива» и «сюжета» в зеркале монгольского языка:
интерпретационный потенциал терминов в сказочном
и эпическом дискурсе**

В докладе предпринимается попытка анализа употребления монгольских фольклорных терминов *бүтэц* (структура), *өгүүлж* (сюжет), *үйл явдал* (фабула), *сэдэл* (мотив), *сэдэв* (тема) в монголоведческой научной литературе и их теоретического осмысления в сопоставлении с лингвистическими понятиями семантического синтаксиса (предикатно-аргументная конструкция) и структуры текста. Как видим, фабула связывается с событиями, а сюжет – с повествованием. Как связаны с ними мотив и тема? *Сюжет* и *мотив* являются одними из самых употребительных и в то же время сложных для определения научных понятий. Серьезной трудностью на пути типологического исследования фольклорных текстов является разноречивой терминологии, отражающий период поиска адекватной модели описания, продуктивных методов и способов анализа текста. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на необходимость единой и непротиворечивой трактовки понятий и терминов, релевантных для описания. Наличие разных подходов к интерпретации вышеуказанных терминов требует более четко определиться с возможными «кандидатами» на тот или иной статус в семантической или формальной структуре текста. Представляется плодотворной идея С.Ю. Неклюдова о выделении двух уровней в мотиве: поверхностного и глубинного. Здесь можно провести аналогию с синтаксисом.

Петров Никита Викторович

к. филол. н., зав. научно-исследовательской Лабораторией теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, доцент Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, с.н.с. Центра исследования фольклора и антропологии города МВШСЭН (Шанинка) (Москва)

Не мотивом единым:

разработка системы указателей фольклорной прозы

В течение нескольких лет я использовал мотивный способ описания фольклорных текстов (это справочный аппарат к книгам «Каргополье: фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья)» (2012) и «Знатки, ведуны и черно книжники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере» (2013)). Однако наиболее продуктивной оказывается система описания, которая включает сразу несколько указателей: мотивов, сюжетных ситуаций, триггеров, акторов, локусов и т. п. Именно такую систему удалось разработать применительно к преданиям и легендам в книге «Между мифом и историей. Мифология пространства в фольклоре Русского Севера» (2016) и рассказам о сновидениях в книге «С четверга на пятницу...» Рассказы о сновидениях в фольклоре Русского Севера» (М., 2020). Интересно, что именно множественные указатели открывают исследователю то, что ранее находилось «за текстом». Важными оказываются не только мифологические представления и персонажи, но жизненные ситуации, благодаря которым текст запоминается, персонажи бытового плана типа местных жителей, милиционеров и председателей совхозов, локусы, в которых происходит действие. В докладе я представлю разные системы описания нарративов и покажу еще один возможный подход к пониманию семантики текста.

Разумова Ирина Алексеевна

д. ист. н., г.н.с. Центра гуманитарных проблем Баренц региона – филиал ФИЦ «Кольский научный центр РАН» (Апатиты)

О функционировании и семантизации одного фольклорного мотива в региональных источниках

Разнообразные концепции повествовательного мотива закономерно основываются на фольклорных и литературно-художественных произведениях. Вместе с тем идентификация мотива как «фольклорного» по происхождению, функционированию, форме способствует корректному анализу не только произведений литературы и искусства, медийной продукции, но любых источников, включая документальные (литература non-

fiction). Возможности освоения и пересемантизации фольклорного мотива книжной и медийной культурами рассматриваются в контексте дихотомической теории мотива, системного, семантического и прагматического подходов в фольклористике и литературоведении на примере ключевого мотива саамского исторического предания о борьбе с внешними врагами. Предание было записано В.Ю. Визе в 1912 г. в центральной части Кольского полуострова от женщины-саами, опубликовано в 1917 г. в Известиях АОИРС. Оно включилось в систему региональной культурной традиции второй половины XX – начала XXI вв., широко используется в качестве прецедентного текста в краеведческой, мемуарной, специальной литературе, на информационных и туристических интернет-сайтах и наделяется различными смыслами. Основу сюжета составляет гибель врагов от снежного обрушения, вызванного действиями защитников. Мотив гибели людей в результате спровоцированного обрушения чего-либо находит аналогии в восточнославянском, прибалтийско-финском, скандинавском фольклоре, но полного соответствия в опубликованных текстах не выявлено. Опорные семы мотива – массовая гибель людей и обрушение (обвал). Варьируемые значения – субъектные («свои» или «враги») и локально-объектные (камень, строение, лавина). Сема «смерть под лавиной» и обозначение самого природного феномена, отсутствующее в исходном тексте Визе, характерны только для данной локальной традиции. Это обусловлено природно-ландшафтной спецификой места, определяющей взаимодействие человека с природой. В специальной и эго-документальной литературе фольклорный мотив пересемантизируется. Смысловая модификация связана с актуальным значением «опасность, исходящая от лавин». Мотив используется для доказательства лавинопасности места и исключительной роли обыденных знаний коренных жителей для освоения территории прибывшим населением.

Реутин Михаил Юрьевич

д. филос. н., в.н.с. Лаборатории историко-литературных исследований
ШАГИ ИОН РАНХиГС (Москва)

Жизнь мотива в прихрамовой среде: на материале меморатов и поведенческих практик доминиканок XIII–XIV веков

Мистико-аскетические практики средневекового западного монашества строились на основе нескольких (брачного, страстного, натального) мотивов, разработанных цистерцианцем Бернардом Клервосским в цикле проповедей на библейскую Песнь Песней царя Соломона. Созданные в середине XII века, эти мотивы впоследствии спустились в среду простонародного благочестия

рубежа XIII и XIV вв., причем миновали несколько стадий в своем становлении: метафора – скрипт – сценарий повседневного поведения. В последнем качестве – сценария перформативной практики – эти мотивы были радикально переосмыслены немецкими инквизиторами (И. Нидер, «Муравейник» 1438 г.) и легли в основу ведовской субкультуры раннего Нового времени.

Селеева Цаган Бадмаевна

к. филол. н., н.с. Калмыцкого научного центра РАН (Элиста)

Мотив как слагаемый элемент эпического сюжета (на материале эпоса «Джангар»)

Одной из актуальных проблем поэтики эпического сюжета является рассмотрение мотивов как слагаемых элементов сюжетной системы. Традиционные взгляды на сюжет как сложную схему, состоящую из комбинации мотивов, восходят к идеям А.Н. Веселовского [Веселовский 2006: 539], где мотив понимается в значении «элемент сюжета», «слагаемое сюжета». Дальнейшие исследования повествовательного сюжета (Р. Якобсон, В.М. Жирмунский), выявили последовательность мотивов и их внутреннюю логику. Сюжет – это не просто скопление мотивов, а художественная совокупность мотивов, это особая художественная структура, сложенная по законам художественной композиции [Якобсон 2011: 49–50]. Эпический сюжет выражен устойчивой событийной канвой, связанной с эпической биографией героя-богатыря, его подвигами и героическими поступками, и сосредоточен вокруг основных эпических коллизий (матримониальных и воинских). Исследователи отмечают типологическое единообразие жанрово-композиционного построения эпического сюжета, на содержательном уровне типологически общими оказываются характерные эпические ситуации, связанные с основными эпическими коллизиями. Типовую особенность эпического мотива отмечает Б.Н. Путилов и связывает ее со спецификой эпоса как художественного явления [Путилов 1975: 144]. Доклад посвящен рассмотрению типических эпических мотивов (пира, получения вести/послания, совета, поимки коня, седлания коня, снаряжения героя, отправления в путь героя, преодоления пути, тархи-паршивца и др.), функционирующих в составе системы и находящихся свое определенное место в структуре сюжета. В системе эпического сюжета особый статус и сюжетообразующее значение имеют ядерные мотивы, непосредственно связанные с главной эпической коллизией (сражения/поединка, трех состязаний, ультиматума, угона табуна, захвата трофея и др.).

Литература

Веселовский 2006 – *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжета // Веселовский А.Н. Избранное: историческая поэтика. М., 2006. С. 533–652.

Путилов 1975 – *Путилов Б.Н.* Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 141–155.

Якобсон 2011 – *Якобсон Р.О.* Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011.

Силантьев Игорь Витальевич

д. филол. н., профессор, директор Института филологии СО РАН
(Новосибирск)

Мотив как системная единица фольклорного и литературного повествования

Мотив как таковой представляет собой обобщенную форму семантически подобных событий, взятых в рамках определенной повествовательной традиции фольклора или литературы. В центре семантической структуры мотива – собственно действие, своего рода предикат, организующий потенциальных действующих лиц и потенциальные пространственно-временные характеристики возможных событий повествования. Представляет интерес вопрос о связи мотива и персонажа (героя). Под персонажем можно понимать фигуранта фабульного ряда повествования, т. е. того, кто действует или является участником действия, независимо от степени его важности для смысла сюжета. Под героем в таком случае понимается такой персонаж, который релевантен в плане динамики и развития собственного смысла сюжета и всего произведения в целом, а не только в плане развития фабулы. Другими словами, персонаж выступает как участник действия в фабуле, а герой – как участник событий в сюжете. При этом герой в «снятом виде» сохраняет качество персонажа, поскольку является участником фабульного действия. Если соотносить план мотивов в первую очередь с аспектом сюжета, то мы должны говорить именно о корреляции мотива и героя – такого героя, который обнаруживает семантическую причастность к данному мотиву и через определенные действия совершает такие поступки и оказывается в центре таких событий, которые и формируют окончательный смысл сюжета в целом. Следующий аспект проблемы мотива касается его отношения к хронотопу. Хронотоп, если под ним понимать сюжетогенное сочетание художественного времени и пространства, обнаруживает определенную структурную и функциональную близость к мотиву. Это происходит в том случае, когда в структуре мотива

функционально и эстетически актуализированными оказываются не только его актанты или предикат, но и его обстоятельственные (т. е. пространственно-временные) характеристики. Мотив в его отношении к повествовательной теме – это следующий ключевой аспект понимания мотива. Мотив как носитель семантического субстрата смысла повествования (подобно слову в речи) неотделим от темы – как формы содержательной фиксации этого смысла. С внешней стороны эта зависимость выражается в том, что тема разворачивается в повествовании посредством выраженных в нем мотивов. Поэтому характерная (традиционная) тема требует разворачивания характерных (традиционных) мотивов. Но и мотив невозможно представить вне тематического начала. Мотив без темы – это не более чем чистая идея перемены. Отсюда характерное неразличение самих понятий темы и мотива в практике анализа. Принципиальное значение имеет и соотношение мотива и лейтмотива. С точки зрения критерия повторяемости понятия мотива и лейтмотива противоположны. Признак лейтмотива – его обязательная повторяемость в пределах текста одного и того же произведения; признак мотива – его обязательная повторяемость за пределами текста одного произведения. При этом в конкретном произведении мотив может выступать в функции лейтмотива, если приобретает ведущий характер в пределах текста этого произведения.

Харвилахти Лаури

д. филол. н., доцент, с.н.с., Общество финской литературы (Хельсинки, Финляндия)

Указатели мотивов в эпоху Интернета

В начале XX века в Европе были разработаны международные системы индексации и типологии для фольклорных архивов и исследований, которые сформировали международные стандарты. Самая большая проблема с международными индексами типов и мотивов (такими, как индекс типов сказок Аарне-Томпсона-Утера и индекс мотивов Томпсона) заключается в том, что хорошо представлены лишь несколько неевропейских традиций.

Одним из способов объединить современные вычислительные сетевые технологии с традиционными фольклорными методами является использование международного индекса мотивов в цифровом виде. В эпоху цифровых технологий можно обогатить индексы мотивов, такие как Индекс мотивов Томпсона, такими как, например, Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина, чтобы включить больше традиций, которые пока недостаточно широко представлены. Крупномасштабные наборы данных «Big Data»

предлагают большой потенциал для разработки новых вычислительных моделей. Преимущество индекса цифровых мотивов заключается в его универсальности: цифровой код не зависит от языка [Harvilahti 2019]. Недавним примером является электронная версия индекса мотивов Томпсона (<http://www.momfer.ml>), разработанная в Институте Меертенса в Нидерландах. Тем не менее важным направлением будущих исследований будет продвижение от традиционной типологии к межкультурной цифровой типологии. Цифровые аннотированные корпуса и веб-системы индексации мотивов могут создать совершенно новую модель для исследования фольклорных традиций. Индекс можно будет обогатить, добавляя во все новые и новые наборы данных (datasets) темы и коды. Эта дополнительная версия индекса мотивов, опубликованная в будущем в виде связанных открытых данных, будет эффективно служить ученым. Таким образом, индекс может стать ведущим в мире инструментом для сравнительного исследования фольклора, позволяющим осуществлять поиск в рамках народных традиций мира.

Литература

Harvilahti 2019 – Harvilahti, Lauri (2019): History of Computational Folkloristics in Finland and Some Current Perspectives. Pekka Hakamies and Anne Heimo (eds.): Folkloristics in the Digital Age. FFC 316. Helsinki.

Научное издание

**Фольклорный мотив:
инструмент анализа и объект изучения**

Материалы
Международного круглого стола
(Москва, РГГУ, 23–24 апреля 2021 г.)

Составители
О.Б. Христофорова, В.А. Черванёва